

Любовь

Машкова

НЕ ПРЕРВЕТСЯ ЦЕПОЧКА ДОБРОТЫ

В этом году мы отмечаем 100-летний юбилей известной казахстанской поэтессы, переводчицы, прозаика Руфи Тамариной. Выпускница предвоенного Литературного института, фронтовичка-медсестра сорок второго года, большую часть своей жизни, включая 8,5 лет Карлага, она прожила в Казахстане. Она работала литсотрудником в газетах «Казахстанская правда» и «Огни Алатау», была редактором на киностудии «Казахфильм» и завлитчастью в республиканском драматическом театре им. Лермонтова. В Казахстане состоялись главные ее поэтические книги, здесь она написала свои лагерные мемуары «Щепкой – в потоке», позже переизданные дополненным изданием, замеченные в России, Украине, Израиле. Она переводила классиков – Магжана Жумабаева и Султанмахмуда Торайгырова и современников – Абдильду Тажибаева, Дихана Абилева, поэтов-фронтовиков Сырбая Мауленова и Музафара Алимбаева, а также Мариам Хакимжанову, Акуштап Бахтыгерееву, Ибрагима Исаева, – всех не перечислить.

Но главный литературный и человеческий талант Руфи Тамариной проявлялся в работе с молодежью, на которую ее никто не рекрутировал, но которой она отдавала свое время, знания, опыт, сердце. Благодаря ей мы приобщались к высокой литературной школе, ведь с ней в семинаре Ильи Селивинского, отмечавшего ее стихи, учились Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Николай Майров, Сергей Наровчатов, Александр Яшин, она дружила с Ярославом Смеляковым, Михаилом Лукониным, Давидом Самойловым, предисловие к одной из ее книг писал Борис Слуцкий.

Она была авторитетным, известным в республике поэтом повидавшего, беспощадно прореженного военного поколения!

И уровень требовательности московской литературной школы Руфь перенесла на казахстанскую почву. Она открыла пятнадцатилетнюю Надежду Чернову, благословила первую книгу Бахытжана Канапьянова, поддержала Евгения Курдакова, Александра Шмидта, Орымбая Жанайдарова, она вела литературный семинар на первом республиканском съезде молодых писателей, откуда вышли известные ныне поэты, поддержав их публикациями в газетах, журнале «Простор». А потом устраивала литературные консультации на дому с обедами и ночевкой приезжавшим из областей Тамаре Шабарениной, Виктору Фетько, Любови Усовой, Любови Медведевой, Татьяне Кондрашиной, Любови Шашковой, и ее небольшая квартира в центре Алма-Аты становилась своеобразным Домом

творчества... В ее гостиной собирался цвет поэзии и прозы – Инна Потихина, Людмила Лезина, Тамара Мадзигон, Татьяна Азовская, Лидия Степанова, Валерий Михайлов, Бахыт Каирбеков, Кайрат Бакбергенев, Вера Галактионова, Геннадий Доронин, Ольга Качанова и многие другие. Она была окружена уважением и почитанием, о ней тепло говорили Абдильда Тажибаев, Герольд Бельгер, Олжас Сулейменов, Валерий Антонов, как мы гордились, видя ее красивую седовласую голову в президиуме важных писательских собраний, конференций, съездов...

В год столетия Руфи Тамириной ее благодарно вспоминают многие ее ученики не только в Казахстане, афористичные строки стихов живут в ее книгах, воскресают в литературных альманахах и журналах, кочуют в Интернете, как и ее мужественная казахстанская проза – замечательного русского, казахстанского поэта, фронтовички, гулаговки, литературной мамы немалого числа писателей нашего поколения. И мне хочется предварить ее юбилейную просторовскую публикацию своими благодарными строками.

* * *

Так совпало, что пишу я эти строки 31 мая – в День памяти жертв политических репрессий и голода. И поминальный день этот как-то сразу вызвал не уходящий из памяти, казалось бы, ничем не примечательный октябрьский денек 1993 года. По дороге на работу в «Вечерку», допивив на трамвае из своего Тас-така до Руфиной улицы Пастера, я решила забежать к ней. Уже было известно, что перешагнувшая семидесятилетие Руфь, осиротевшая без своего Михаила Гавриловича, дождавшись «Избранного», не в этом, так в следующем году предпримет переезд в Томск, поближе к семье сына Володи. Готовясь к этой разлуке, нам всем хотелось по возможности продлить привычное общение.

Не сразу открывшая Руфь не в пример всегдашней своей бодрости была грустна, что и понятно: она расставалась с любимым городом, где после долгих лет Жезгазганских и Балхашских лагерей состоялись, наконец, семья, творчество, общественное признание, любовь друзей. Однако едва я села к столу, взявшись за предложенную чашку чая, как мне в глаза бросился большой рыжий конверт из плотной канцелярской бумаги, лежащий чуть на возвышении – на холодильнике. Руфь проследила мой взгляд и по щекам ее побежали уже не сдерживаемые слезы.

Тогда-то я и узнала, что конверт принес из Москвы справку о реабилитации по делу 42-го года, и что на фронте она была в штрафной роте, и что реабилитирована в 56-м только по делу 1948 года «о шпионаже», когда ей дали 25 лет

ИТЛ, заменявших расстрел. А статья о недоносительстве на своего любимого Алешу Страхова в начале войны так и висела над ней все эти годы... Бедная наша Руфь!

Она уже издала в девяносто первом документальную повесть «Щепкой – в потоке», где рассказала свою жизнь – с арестом родителей в 37–38-м, учебой в предвоенном и военном Литинституте, краткосрочными курсами медсестер в начале войны, – и фронтовые страницы, и лагерную эпопею, включая подавленное танками Кенгирское восстание, и реабилитационные свои мытарства (муж М. Г. Морозов был освобожден позже ее, а полностью реабилитирован только в 1974 году, и московскую прописку ей так и не вернули). Она уже опубликовала лагерные стихи, не маскируя их под командировочные, журналистские, а для Избранного 1994 года в «Жазушы», редактором которого мне, а потом и Алене Швыдко посчастливилось быть, даже восстановила всю «Кенгирскую тетрадь» – 28 стихотворений. И уже была написана исповедальная поэма «Новогодняя ночь»!

Но писала всё – да, оказывается, не всё. И по-прежнему продолжала вздрагивать от чужих голосов в трубке телефона, и не спешила открывать дверь незнакомым людям, и собираясь с Гаврилычем на отдых в Дома творчества, укладывая в сумочку документы, членский билет Союза писателей СССР, как самую большую драгоценность прятала в нее две справки о реабилитации родителей и две – Михаила Гавриловича и свою... А там, оказывается, не хватало третьей!

И вот теперь вместо вздоха облегчения и радости – слезы горечи и печали. «Состава преступления не обнаружено...» Нет состава преступления!

А не вернуть ни той молодой любви, ни утерянного ребенка, которого хотели назвать Федей, ни отца его – талантливого, красивого литинститутца Алексея Страхова, единственного сына Натальи Федоровны Авиловой-Страховой, сестры той самой «чеховской» Авиловой. Расстрелян!

Таящая такие душевные муки, несломленная, элегантная, искрящаяся пониманием и добротой, привечавшая нас с разгульными компаниями, с девичьими тайнами, с новыми стихами и поэмами – прекрасная наша Руфь, и в непростой «жизни обычной» ежедневно подтверждавшая свою лагерное имя – «добрая Рута»! Как многих из нас, заметив по первым публикациям и книжкам, на совещаниях молодых поэтов она поддержала житейским участием и профессиональными советами, статьями в газетах и в «Просторе», закрытыми рецензиями для издательств, открыто декларируя свою поддержку, свою творческую позицию: «Мои надежды, девочки мои...», «Недоданность – какая чепуха...»

В предисловии к одной из книг Руфи Тамириной ее товарищ по предвоенному Литинституту фронтовик Борис Слуцкий завуалированно писал: «Те, кому всего дороже необозримая казахская степь, узнают и поймут из ее стихов, что степь эту Тамарина исходила и изъездила из конца в конец и только потом воспела». Да, исходила, изъездила и воспела, но сначала исходила в «Степлаге»!

Все, что не смогла написать в своих алма-атинских книгах, Руфь Тамарина вплоть до своего восьмидесятилетия и позже, даже утратив зрение, дописывала, надиктовывала в Томске. Здесь в 1999 году вышли ее книги – поэтическая «Новогодняя ночь» и «Щепкой – в потоке», куда вошли второе издание лагерной прозы, исправленное и дополненное, поэма «Новогодняя ночь», «Кенгирская тетрадь»

с послесловием, «Алматинская» и «Томская» тетради, – книга, ставшая лауреатом Пятой Артеады народов России. В 2002 году вышла с дополнениями «Такая планида, или Зарубки на “Щепке”».

Она слала их нам в Алматы, как и благодарственную книгу Казахстану – «Зеленую тетрадь» (2003), где, публикуя свои последние стихи, главный акцент делает на разделе «Строки товарищей» – переводах стихов Магжана Жумабаева, Сырбая Мауленова, Калимы Утегалиевой, Дихана Абилева, Музафара Алимбаева, Акушта Бахтыгереевой, Нутфуллы Шакенова, Ибрагима Исаева... А еще она переводила не вошедшие в сборник роман в стихах Султанмахмуда Торайгырова, сказку Абильды Тажибаева, поэму Абираша Жамишева о Рахимжане Кошкарбаеве, водрузившем над Рейхстагом одно из знамен Победы. Все эти книги вышли в томском издательстве «Водолей» при поддержке Томского областного историко-просветительского правозащитного и благотворительного общества «Мемориал».

Таково уж свойство щедрого душой человека – к нему тянутся такие же неравнодушные люди. И в Томске ее окружали и прежние – обретенные в долгом литературном общении – и новые друзья, которых она не устает благодарить за участие в ее судьбе: М. Л. Халфину, знакомую по «Переделкину», сопредседателя «Мемориала» Б. П. Тренина, редактора всех ее книг и томского биографа В. М. Костина, журналиста и правозащитника Н. М. Кашеева, директора издательства «Водолей» Евгения Кольчужкина и его мудрую маму А. И. Кольчужкину, уже после смерти Руфи приславшую мне из Томска неопубликованные стихи 2003 года, одно из которых замыкает представляемую сегодня читателям «Простора» подборку.

В 2002 году я побывала в Томске, в командировке от «Казахстанской правды», придуманной для того, чтобы навестить Руфь. «Любовь!» – раздался за дверью молодой, звенящий голос Руфи, и сердце дрогнуло... Что и говорить, уезжала я из Томска в слезах. Мы попрощались. Она вручила мне дополнения к воспоминаниям «Щепкой в потоке» – те самые, о реабилитации по делу 1942 года, новые стихи о своем «Лихолетьи» – продолжала «спасаться стихами», преодолевая наступавшую тьму, наговорила мне на диктофон благодарность Казахстану и казахстанцам. Часть из этого мы опубликовали тогда в журнале «Нива». Сегодня мы знакомим с дополненными мемуарами и томскими стихами Руфи Тамириной читателей «Простора».

В своей лагерной прозе Руфь дает нам всем свой наказ: «Я давно поняла, что душевные долги тем добрым людям, что в разное время мне помогали и кого я так и не сумела или не успела разыскать и отблагодарить, можно отдавать только единственным способом – помогать другим, чтобы не прервалась цепочка доброты...» Она сама всю жизнь следовала этому своему правилу и была в этой цепочке самым надежным золотым звеном! Давайте и мы следовать ему.

В 2003 году Бахытжан Канапьянов выпустил в Алматы в издательстве «Жибек жолы» сборник стихов «Помедли, миг!» Руфи Тамириной, когда-то напутствовавшей своим предисловием его первую книгу. В год ее ухода темиртауска Любовь Усова написала стихотворение «Памяти поэта Руфи Тамириной»:

Очнулась, услышав: – Тревога! –
Шептала молитвы свои.
Петляла в руинах дорога,
Где жарко дымились бои.

Земля прогибалась под грузом,
И смерчи крушили судьбу.
Чуралась предателей-трусов,
А слабых несла на горбу.

Ей, девочке, стукнуло двадцать.
К лицу ли солдатский прикид?
Ей лучше б в саду целоваться
И слушать, как море шумит.

Навеки сестра милосердья,
Заступница, воин, поэт!
...Как больно и горько, поверьте,
Встречать сквозь решетки рассвет...

В неволе и в рубище тесном
Меж рифов сумела проплыть.
А я бы могла на том месте
Вожей и простить и забыть?

Она улыбнулась бесстрашно,
Свой крестик сжимая в горсти,
Взлетела над рощей, над пашней,
И след в облаках не найти.

...Погасла мятежная свечка,
Стою на ветру ледяном.
Но доброе наше словечко
Услышит и в мире ином.

В 2009 году книжечку воспоминаний о Руфи Мееровне выпустила Тамара Яковлевна Шайкевич-Ильина. Страницы памяти Руфи посвятила в своей книге «Летающие в тумане» Надежда Чернова. С пиететом говорил о Руфи в своей дневниковой прозе, публиковавшейся в «Просторе», Герольд Бельгер. В нынешний юбилейный ее год вышел с воспоминаниями Орынбая Жанайдарова и стихами Руфи Тамариной литературный альманах «Алма-Ата»... Пусть не прервется цепочка доброты! И пусть у нашей Руфи не иссякают благодарные читатели.

Владимир Костин когда-то завершил ее последнюю томскую книгу такими словами: «Мемуары Тамариной, вслед за ее стихами, очень внятно (несмотря на установку «вполголоса» и «мимо дидактики») показывают – так вот просто показывают, что пребывать человеком, существом с памятью и совестью, и нужно, и можно. Нашим современникам, что ломаются как спички от первой житейской неудачи, надо читать Тамарину. И учиться у нее великому Интересу к Жизни, который никогда не давал и не дает покоя».

